КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 5.

ВЛАДИМІРЪ КОРОЛЕНКО

ВОЙНА, ОТЕЧЕСТВО И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

(ПИСЬМА О ВОПРОСАХЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ)

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ"

КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 5.

ВЛАДИМІРЪ КОРОЛЕНКО

ВОЙНА, ОТЕЧЕСТВО И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

(ПИСЬМА О ВОПРОСАХЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ)

ТВО „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

Типографія подъ фирмою „Московскій Листокъ“ М. И. СМИРНОВА
Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. 5.

I.

Вмѣсто вступленія

Есть древняя греческая басня. По дорогѣ въ большой городъ залегло нѣкогда загадочное чудовище съ туловищемъ льва и лицомъ человѣка. Каждому путнику, шедшему въ городъ изъ пустыни, оно задавало загадки. Кто не находилъ отвѣта, того этотъ сфинксъ пожиралъ.

Такой сфинксъ глядитъ теперь въ глаза всему русскому народу. Мы идемъ изъ пустыни прошлаго къ взыскуемому граду свободной жизни. Но на пути насъ встрѣчаетъ загадочное чудовище и задаетъ вопросы, и говоритъ:—«Разгадывайте сообща, селянинъ и горожанинъ, богачъ и бѣднякъ, ученый и малограмотный. А не найдете общей разгадки—погибнете».

Въ этихъ очеркахъ я хочу по мѣрѣ моихъ силъ содѣйствовать общей разгадкѣ, хочу съ перомъ въ рукѣ придумать вопросы, волнующіе всю страну, и постараюсь высказать свои мысли по возможности просто и понятно. И не только понятно, но и общепонятно.

Я хочу говорить сразу съ различными русскими людьми: съ рабочимъ, съ пахаремъ, съ солдатомъ, съ образованнымъ человѣкомъ и со студентомъ такъ, какъ-будто они слушаютъ меня всѣ вмѣстѣ и вмѣстѣ будутъ искать общихъ рѣшеній.

Прежде всего я хочу говорить объ отечествѣ.

Кто-нибудь скажетъ: зачѣмъ говорить объ этомъ? Кто же не знаетъ, что такое отечество. Это преподаютъ школьникамъ, заставляютъ списывать изъ прописей. Это излишне и скучно.

Но, право, я тоже не склоненъ безъ надобности повторять азбучныя истины. Дѣло въ томъ, что въ наше время есть не мало людей, которые говорятъ, что отечество не нужно, что любовь къ своему отечеству есть чувство вредное, отъ котораго нужно избавиться, какъ отъ предразсудка, что намъ нужно дѣйствовать такъ, какъ-будто никакого отечества не существуетъ.

И говорятъ это не одни выродки или измѣнники, подкупленные нашими врагами. Мысль эта непримѣтно носится въ воздухѣ, какъ невидимая зараза, и подъ грохотъ войны западаетъ во многіе умы и души.

Въ самомъ дѣлѣ: Европа охвачена пожарами и кровью. Народы кинулись другъ на друга, какъ стаи звѣрей. Каждый стоитъ за свое отечество и старается уничтожить чужое. Значитъ,—говорятъ иные,—причина страшной войны въ томъ, что есть у людей отечество. Уничтожимъ это понятіе, выправимъ въ себѣ любовь къ родинѣ и первая причина вражды исчезнетъ. Война прекратится.

И многіе дѣйствуютъ сообразно съ такой мыслью. Выходитъ, что общепризнанное требованіе любви и

преданности къ отечеству выдыхается, слабѣетъ, готово исчезнуть.

И вотъ почему я не считаю празднымъ вопросъ о томъ, что такое отечество, имѣемъ ли мы право и обязанность отстаивать нашу родину въ этой великой свалкѣ народовъ, и дѣйствительно ли отечество повинно въ этой страшной войнѣ?

II

Война всѣхъ противъ всѣхъ.—Семья, родъ, область, отечество

Кто читалъ гоголевскаго Тараса Бульбу, тотъ припомнитъ, какъ Бульба съ сыновьями пробирается черезъ Днѣпровскія степи въ Сѣчь. Зеленая пустыня раскинулась отъ края и до края. Но вотъ, зоркіе глаза Тараса увидѣли вдали татарина. И первыя его слова таковы:

— Посмотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ. Попробуйте догнать его...

И если бы этого чужого человѣка догнали, его непремѣнно убили бы. За что? За то, что онъ татаринъ. И самъ онъ убилъ бы, если бы смогъ, Тараса и его сыновей, хотя въ степи всѣмъ хватило бы мѣста. Такъ ужъ повелось изстари отъ дѣдовъ, прадѣдовъ и пращуровъ, отъ сѣдой древности.

Жалкій человѣкъ,—говоритъ поэтъ Лермонтовъ,—

Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ.

Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Лермонтовъ ошибался. Человѣкъ воюетъ не одинъ. Вся живая природа переполнена вѣчной войной, и человѣкъ вынесъ эту войну всѣхъ противъ всѣхъ изъ своего звѣринаго прошлаго. Прежде говорили, что войну выдумали воины, какъ религію выдумали жрецы Теперь принято говорить, что войну затѣваютъ всегда капиталисты и промышленники. При этомъ забываютъ, что чѣмъ дальше въ глубь прошлаго, чѣмъ ближе къ жизни звѣрей, у которыхъ не было ни воиновъ, ни капиталистовъ, тѣмъ больше было взаимной борьбы. Когда-то всякая встрѣча незнакомыхъ людей была враждебна. Завидѣвъ другъ-друга, люди сходились съ опасеніемъ и мыслью: что лучше,—напасть первому или ждать нападенія? Казалось, въ мірѣ царитъ одинъ законъ взаимной вражды: убей или будешь убитъ... Съѣшь или тебя съѣдятъ... Всѣ враги всѣмъ...

Но на-ряду съ чувствомъ вражды во всемъ живущемъ теплится и другой законъ: законъ взаимнаго сочувствія и любви. Борьба этихъ двухъ началъ, вражды и любви, которыя люди называютъ зломъ и добромъ, Бѣлбогомъ и Чернобогомъ, Ормуздомъ и Ариманомъ, духомъ свѣта и духомъ тьмы, составляетъ содержаніе всей человѣческой исторіи, всѣхъ религій, всякой человѣческой нравственности. Сознаніе противоположности зла и добра, любви и вражды, отличаетъ человѣка отъ звѣря. Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали сходиться въ общества,—во мракѣ «войны всѣхъ противъ всѣхъ» затеплились огоньками семья, родъ, племя, члены которыхъ, враждуя со всѣмъ остальнымъ міромъ,

въ своей средѣ признаютъ закономъ взаимную помощь и любовь. Древніе греки такъ выражали понятіе о наилучшемъ, наиболѣе совершенномъ человѣкѣ: «Милъ своимъ, страшенъ чужимъ».

Кто же считался своимъ?

Сначала только ближайшіе кровные родные, затѣмъ члены рода, происшедшаго изъ семьи,—и только. Были такія темныя времена, что стоило, напримѣръ, члену другого рода переступить границу какой-нибудь семьи безъ предупрежденія и особыхъ обрядовъ,— и его приносили въ жертву родовому идолу. Потомъ роды устанавливали все шире свою близость; возникали области; въ центрахъ областей строились укрѣпленные города, куда всѣ сбѣгались при нападеніи чужеземцевъ. Потомъ образовывались союзы городовъ, малыя государства, которыя соединялись въ большія.

Такъ постепенно сознаніе братства людей становилось шире, и съ ростомъ человѣческихъ объединеній росло чувство человѣческой дружбы, солидарности, любви, на счетъ звѣриной вражды. Лучшіе люди всѣхъ народовъ несли свои душевныя силы на созданіе все большихъ объединеній. Въ прошломъ вѣкѣ, уже на памяти нынѣ живущихъ людей, объединилась, напримѣръ, Италія, и имена Гарибальди и Мадзини, работавшихъ для этого, чтутъ до сихъ поръ не одни итальянцы, а всѣ, кто любитъ свободу: объединеніе не только прекратило на пространствѣ всей Италіи междоусобія, но и помогло итальянцамъ свергнуть несправедливое иго австрійцевъ. Значитъ, единое отечество принесло итальянцамъ и освобожденіе.

Поэтому люди изстари пріучались поколѣніями любить свои отечества, подчиняя имъ все остальное. Существуетъ такой историческій разсказъ. Когда-то австрійцы покорили швейцарцевъ и держали въ странѣ войско рыцарей, закованныхъ въ желѣзо. Швейцарцы же были мужики-пастухи, и дрались попросту, безъ панцырей. Но все-таки они не захотѣли быть рабами и возстали. Произошла большая битва при Земпахѣ. Стальные рыцари стояли какъ стѣна, выдвинувъ впередъ лѣсъ копій; стрѣлы и палицы пастуховъ не могли нанести имъ никакого вреда. Тогда одинъ швейцарецъ, Арнольдъ Винкельридъ, сказалъ своимъ: «*Позаботьтесь о моей семьѣ*». А самъ кинулся на копья рыцарей, захватилъ ихъ, сколько могъ, руками и воткнулъ себѣ въ грудь. На минуту образовался прорывъ; швейцарцы кинулись туда, и желѣзный строй былъ прорванъ. Рѣшительная битва была выиграна, швейцарцы освободили родину. И всѣ народы знаютъ имя этого пастуха, потому что своимъ поступкомъ онъ показалъ, какъ широкая любовь къ отечеству подчиняетъ любовь къ семьѣ. Винкельридъ былъ хорошій семьянинъ, но не задумался отнять у семьи мужа и отца для отечества, которому онъ передаетъ заботу о семьѣ.

Объединеніе областей Россіи въ одно отечество тоже совершалось вѣками на великой восточно-европейской равнинѣ. Началось оно около Кіева, потомъ перешло къ Москвѣ. Нельзя сказать, чтобы московскіе князья, хитрые скопидомы и лукавцы, были лучше другихъ удѣльныхъ князей, которые съ ними воевали. Наоборотъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ были простодушные вояки, убѣжденные въ своей правотѣ. Но

народъ поддерживалъ московскихъ князей, потому что они выводили на Руси удѣльныя междоусобицы, въ которыхъ русскіе шли войной на русскихъ. Земля на великой равнинѣ собиралась, вражда изгонялась за ея предѣлы. Воевать и безъ того приходилось много. Кругомъ были враги, особенно азіатскія орды, совершавшія набѣги, угонявшія тысячи людей въ полонъ, продававшія ихъ въ рабство. Тамъ за «дикими полями» и горными кряжами были сплошные враги. И когда оттуда какому-нибудь полонянннику удавалось убѣжать черезъ степи, горы и рѣки, когда послѣ опаснаго пути онъ достигалъ, наконецъ, предѣловъ Россіи, когда передъ его глазами появлялись такія же избы, какъ въ его деревнѣ, такія же макушки церквей, въ какихъ онъ самъ молился въ дѣтствѣ, то онъ падалъ на землю, обнималъ ее «родную» и плакалъ сладкими слезами. Для него эта земля была «святая» Русь, а остальныя земли онъ считалъ «погаными». Тамъ, какъ звѣрь отъ звѣрей, онъ долженъ былъ скрываться въ норахъ и оврагахъ. Здѣсь, куда бы онъ ни пришелъ,—въ мужицкую избу или боярскія хоромы,—его встрѣчали «свои» съ привѣтомъ и лаской, съ сожалѣніемъ и радостью. Бояринъ часто притѣснялъ мужика, мужикъ порой ненавидѣлъ боярина. Но около полонянника, вырвавшагося изъ враждебной земли, всѣ сходились въ одномъ ощущеніи. Всѣ чувствовали себя сынами одной родины...

И когда надъ степями зажигались сторожевые огни, то всѣ подымались на защиту. Мужики защищали боярскія хоромы, бояре защищали деревенскія избы, и считалось священнымъ долгомъ стоять за общее отечество до смерти.

III

Любовь къ родинѣ

Особенно живо было всегда это непосредственное чувство родины въ окраинныхъ странахъ, которыя чаще другихъ подвергались нападеніямъ и испытывали чужеземный плѣнъ. На Украинѣ старые кобзари до сихъ поръ поютъ трогательныя старинныя думы, какъ томились плѣнники, какъ смотрѣли съ Савуръ могилы на дальнія родныя степи, и какъ умирали, не отрекаясь отъ родины и вѣры братьевъ.

На рѣкѣ Уралѣ это окраинное положеніе сохранилось дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и мнѣ лично старый уральскій казакъ разсказывалъ о томъ, какъ въ его юности не разъ надъ степью загорались по ночамъ маячные огни,—знакъ, что гдѣ-нибудь киргизская, бухарская, хивинская орда «перелѣзла черезъ Уралъ» и пробирается въ Россію. «Повѣрите,—говорилъ онъ,—до сихъ поръ, какъ увижу надъ степью огонь,— сердце колотится, рука сама ищетъ копье. Такъ и кажется, что надо скакать на сборный пунктъ для защиты родной земли».

Этого казака любви къ родинѣ учила сама жизнь. Этому же чувству учатъ дѣтей въ школахъ. Иностраннымъ словомъ оно называется «патріотизмомъ». Къ сожалѣнію, этотъ казенно-школьный патріотизмъ бываетъ не настоящій. Дѣтямъ внушаютъ, что наша родина—величайшая страна, что мы должны гордиться передъ всѣми другими народами тѣмъ, что мы—подданные такого могучаго государства, что наша исторія

полна подвигами царей и покорнаго имъ народа и т. д. Это развивало въ нашемъ народѣ національное тщеславіе, которое выражается извѣстными словами пѣсни: «Наша матушка Рассея всему свѣту голова», а всѣ другія державы намъ будто бы должны быть подвластны.

Нѣтъ худшей услуги истинной любви къ родинѣ, чѣмъ этотъ заносчивый и самохвальный патріотизмъ, который иностраннымъ словомъ называется «шовинизмомъ». Онъ подмѣняетъ понятіе о родинѣ—понятіемъ о властяхъ, любовь къ отечеству—любовью къ царямъ и ихъ слугамъ. Не даромъ одинъ изъ великихъ нашихъ поэтовъ, строптивый Лермонтовъ, писалъ:

Люблю отчизну я, но странною любовью
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Въ душѣ не шевелятъ отраднаго мечтанья.

То-есть въ своей «странной», какъ онъ говоритъ, любви къ родинѣ онъ не признаетъ какъ-разъ того, что внушалось казеннымъ патріотизмомъ. Но далѣе и онъ объясняетъ, что именно онъ любитъ въ родинѣ: «Не зная самъ за что»,—онъ любитъ холодное дыханіе русскихъ полей, колыханіе дремучихъ лѣсовъ, разливы рѣкъ, подобные морямъ, всю природу родной страны, ея людей. Съ любовью смотритъ онъ темнымъ вечеромъ, проѣзжая по дорогамъ, на дрожащіе огни печальныхъ деревень, на обозъ, ночующій въ степи, и «въ праздникъ вечеромъ росистымъ смотрѣть до полночи готовъ на

пляску съ топаньемъ и свистомъ подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ».

Другой поэтъ, Жуковскій, стараясь опредѣлить это чувство, говоритъ, что для него родина, это—

Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки...

Жуковскій былъ сынъ рабыни, но росъ и воспитывался въ дворянской семьѣ, и дѣтскіе годы протекали для него радостно. Жизнь Лермонтова была довольно бурная, и о родинѣ онъ вспоминалъ въ ссылкѣ на Кавказѣ. Однако, и для него родина не была мачехой. Но вотъ что говоритъ объ этомъ чувствѣ третій русскій поэтъ, значительную часть жизни проведшій на каторгѣ: «За что любить тебя?»—спрашиваетъ П. Ф. Якубовичъ у родины:

...Какая ты намъ мать,
Когда и мачеха, безчеловѣчно злая,
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не уставая.

Жизнь его и его поколѣнія сложилась тяжко и печально. Совсѣмъ юношей попалъ онъ на каторгу за то, что рано полюбилъ свободу въ странѣ рабства. И онъ горько упрекаетъ родину, которая гнала своихъ дѣтей «на край земли, въ снѣга безлюдныхъ странъ, убивала въ цвѣтѣ силъ».

Мечты великія безжалостно губя,
Ты, какъ преступниковъ, позоромъ насъ клеймила,
Ты злобой души намъ, какъ ядомъ, напоила,
Какая ты намъ мать, за что любить тебя?

Говорилъ онъ это изъ глубины каторги не только отъ себя, но и отъ сотенъ такихъ же страдальцевъ. И вообще много въ каждой странѣ людей, которые могли бы бросить своей родинѣ такіе же горькіе упреки за свою нерадостную жизнь, за царящую неправду, отъ которой они страдаютъ.

Но и этотъ поэтъ признаетъ все-таки родину—матерью. Онъ говоритъ далѣе, какъ Лермонтовъ:

За что, не знаю я... Но каждое дыханье,
Мой каждый помыселъ, всѣ силы бытія,
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья,
Любовь моя и жизнь тебѣ, *о, мать моя!*

И не одинъ Якубовичъ, но и многіе его сверстники и товарищи говорили его устами, что для того, чтобы увидѣть себя и родину свободными и свободной, они готовы были бы принять тягчайшій изъ ея безчисленныхъ крестовъ.

Въ палящій зной, въ пескѣ сыпучемъ по колѣни,
Съ котомкой нищаго брести глухимъ путемъ,
Послѣднимъ сномъ заснуть подъ сломаннымъ плетнемъ
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній...

И онъ всей жизнью доказалъ, что такая любовь не выдумана, что она существуетъ въ дѣйствительности, что такъ любили родину многіе изъ того недавняго поколѣнія.

Не знаю, какъ на кого, а на меня этотъ крикъ сыновней любви, вырвавшійся изъ груди каторжника Якубовича, производитъ впечатлѣніе болѣе неотразимое и глубокое, чѣмъ превосходныя картины Лермонтова и свѣтлыя воспоминанія Жуковскаго. Якубовича судилъ судъ самодержавнаго насилія. Но это насиліе поддерживалось рабской покорностью и темнотой всего народа. Его заковали въ кандалы, гнали этапами и сторожили на каторгѣ тѣ же сыны народа... И все-таки онъ что-то любитъ въ этой рабской странѣ, погубившей его молодую жизнь... Онъ считаетъ ее матерью.

Таково это странное чувство. Счастливый соединяетъ его со своей радостью, несчастные—со своимъ горемъ. Точно въ самомъ дѣлѣ съ первой струей родного воздуха, съ первымъ сіяніемъ родного неба, съ первыми звуками материнской пѣсни вливается въ душу и загорается въ ней что-то готовое, извѣчное, сильное, что потомъ растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ организмомъ человѣка. Точно оживаютъ въ отдѣльной душѣ вѣковая борьба и страданія родного народа и съ ними и вѣковыя стремленія человѣчества къ единенію и братству.

Иностраннымъ, но уже давно вошедшимъ въ нашъ языкъ словомъ такія чувства называются инстинктами. И, значитъ, у насъ всѣхъ въ той или иной степени есть инстинктъ родины, отечества. Это—огромное, сильное чувство, потому что оно (сознательно или несознательно) лежитъ въ каждомъ человѣкѣ и, когда приходитъ время, когда сразу оно просыпается въ милліонахъ сердецъ, то это—стихія, буря, океанъ, противъ котораго устоять трудно. Въ такомъ подъемѣ «патріотизма» народъ способенъ творить чудеса, часто уже совсѣмъ задавленный и покоренный чужевмцами, онъ поднимается, рветъ, какъ паутину, свои цѣпи и вновь завоевываетъ свободу.

До сихъ поръ изъ всѣхъ общественныхъ чувствъ это чувство было безспорно самое широкое и самое сильное. И это потому, что законъ общественной жизни—все возрастающее объединеніе, а самыя широкія объединенія, какихъ до сихъ поръ реально, т.-е. не въ мысли только, а на дѣлѣ, достигало человѣчество, были отечества... И значитъ отечества много сдѣлали для расширенія области любви, для уменьшенія взаимной борьбы и звѣрства, для побѣды свѣта надъ тьмой, Бѣлбога надъ Чернобогомъ...

IV

Война всѣхъ противъ всѣхъ между народами

Но законъ человѣческой жизни—вѣчное движеніе впередъ. Позади у насъ остались война всѣхъ противъ всѣхъ, семейный и родовой бытъ, область... Не пришла ли пора, когда и отечество должно отойти въ прошлое?

И вотъ мысль человѣческая пытливо присматривается къ отечеству. Нѣтъ ли грѣховъ и на немъ?

И грѣхи оказываются.

Существуетъ такой правдивый разсказъ. У одного дикаря христіанскій священникъ спросилъ:

— Знаешь ли ты разницу между добромъ и зломъ? Дикарь подумалъ и отвѣтилъ:

— Добро, когда я украду жену у сосѣда. Зло,— когда сосѣдъ украдетъ у меня.

Это—нравственное ученіе, вынесенное изъ временъ полузвѣриной, до-общественной жизни, изъ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Теперь намъ этотъ отвѣтъ смѣшонъ, и о человѣкѣ, который сталъ бы серьезно повторять его, мы бы сказали: этотъ человѣкъ запоздалъ родиться на тысячи лѣтъ или ему слѣдовало родиться въ дикихъ странахъ. У насъ ему мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ или тюрьмѣ. Въ современномъ обществѣ приняты другія правила общежитія, охраняемыя законами всѣхъ отечествъ.

Дѣйствительно отечества уничтожили среди насъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Но это только до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между отдѣльными людьми. Какъ только рѣчь заходитъ о государствахъ,— дѣло мѣняется. Граница каждаго государства, это— черта, у которой кончается взаимное довѣріе между людьми. Здѣсь стоятъ вооруженные люди, не пропускающіе за черту ни своихъ, ни чужихъ, а на нѣкоторыхъ разстояніяхъ построены крѣпости, и съ нихъ пушки постоянно грозятъ сосѣдямъ. И, какъ нѣкогда человѣка, неосторожно переступавшаго границу родового поля, приносили въ жертву родовымъ богамъ, такъ теперь чужестранца, безъ разрѣшенія переступающаго границу государства приносятъ въ жертву законамъ и сажаютъ въ тюрьму. Среди отдѣльныхъ государствъ мораль дикарей царитъ въ полной силѣ

Что есть добро и что есть зло въ международныхъ отношеніяхъ?

Всякій *дипломатъ*, т.-е. человѣкъ, дѣлающій международную политику, если онъ захочетъ быть искреннимъ, отвѣтитъ, какъ дикарь отвѣтилъ священнику:

— Добро, когда моему отечеству удастся отхватить у сосѣда кусокъ принадлежащей ему земли, область, крѣпость или морскую пристань. Зло, когда такое же несчастіе случится съ моимъ отечествомъ.

Прочитайте любой курсъ исторіи и вы непремѣнно встрѣтите подтвержденіе этого. Такой-то былъ великій государственный человѣкъ. Онъ воспользовался оплошностью сосѣдняго государства, отвоевавъ у него такіе то города, и соотечественники поставили ему за это памятникъ. А другой, наоборотъ, самъ сплошалъ и допустилъ сосѣдей захватить земли своего отечества... И его имя покрыто въ глазахъ потомства презрѣніемъ и позоромъ...

Такова до сихъ поръ основа международной морали. Всѣ народы живутъ въ вѣчномъ опасеніи чужого нашествія и въ вѣчной готовности къ нападенію. Французскій мыслитель Прудонъ увѣрялъ даже, что война всѣхъ противъ всѣхъ въ средѣ народовъ есть явленіе вѣчное: въ сущности народы воюютъ другъ съ другомъ всегда, и только по временамъ у нихъ наступаютъ случайныя передышки, которыя мы и называемъ миромъ. И это очень похоже на правду. Народы дѣйствительно, подобны тѣмъ дикимъ охотникамъ, которые даже у общаго огня сидятъ съ оружіемъ въ рукахъ, готовые броситься на сосѣда при первомъ подозрительномъ движеніи. Всѣ державы даже во время мира подсылаютъ къ сосѣдямъ военныхъ шпіоновъ, поли-

тическихъ лазутчиковъ, лукавыхъ дипломатовъ, которые нащупываютъ слабое мѣсто сосѣда, стараются вызвать у него замѣшательства и возмущенія. Всякое государство старается повредить сосѣду, ослабить его, потому что боится нападенія, и само не прочь напасть при случаѣ.

Такимъ образомъ, если и устанавливается на время миръ между народами, то это миръ особенный, такъ-называемый «вооруженный миръ». Стоитъ одному государству построить военный корабль, — сосѣдъ строитъ два. Одна держава заводитъ у себя новый полкъ пѣхоты,—и такіе же полки вырастаютъ сами собой у сосѣдей. Сколько труда, изобрѣтательности, сколько времени и природныхъ богатствъ каждой страны уходитъ на изготовленіе орудій смерти. Растетъ бремя налоговъ, бѣдность; людямъ приходится отказываться отъ необходимаго и полезнаго для жизни, чтобы создавать вредное, нужное только для убійства. И это соперничество растетъ неудержимо, какъ комъ снѣга, скатывающійся съ горы. И всѣмъ приходитъ въ голову: ужъ лучше короткая война, чѣмъ долгій вооруженный миръ.

Но война становится все страшнѣе. Во времена родового быта люди дрались стрѣлами, копьями, палицами. Война имѣла характеръ мѣстный; семья нападала на семью, родъ на родъ. Жгли, убивали, уводили въ плѣнъ, оставляя на мѣстѣ пожарища и трупы. Пожарища заливали дожди, надъ трупами вырастали степныя травы или лѣсныя поросли, скрывавшія тлѣющія кости... Другіе роды порой и не знали объ этомъ, а если и знали, то никому до этого не было дѣла.

Но чѣмъ больше становились объединенія людей, тѣмъ и войны дѣлались хотя рѣже, но крупнѣе. Подъ покровомъ отечествъ развивались науки и промышленность, которыя, на-ряду съ орудіями, полезными для жизни, доставили также страшныя орудія разрушенія. Человѣкъ сталъ могущественнѣе прежняго дикаря-предка. Онъ поднялся на воздухъ. Онъ опустился на дно моря. И всюду внесъ возможность войны, и притомъ войны не мѣстной, а общей... Уже давно предсказывали, что если война вспыхнетъ въ XX вѣкѣ, то она будетъ ужаснѣе всѣхъ прежнихъ войнъ.

Невольно у лучшихъ людей является мысль: какъ прекратить этотъ ужасъ, какъ сдѣлать войны невозможными?

V

Мечта о вѣчномъ мирѣ и соціализмъ

Мысль о всеобщемъ братствѣ всѣхъ людей давно свѣтитъ, какъ путеводная звѣзда, передъ человѣчествомъ. Еще ветхозавѣтный пророкъ вдохновенно предсказывалъ, что люди перекуютъ когда-нибудь мечи на плуги и введутъ общій миръ. Христіанство звало людей собраться во едино стадо съ единымъ пастыремъ.

Ученые, мыслители и поэты, эти пророки нашего времени, поддерживаютъ мечту о тѣхъ будущихъ временахъ,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Люди, работающіе для осуществленія этой мысли, называются пасифистами (миролюбцами).

Въ послѣднія десятилѣтія объ этомъ заговорили уже и государственные люди, и политики всѣхъ странъ. Между прочимъ созывались по этому предмету международныя совѣщанія. Особенно важное состоялось въ голландскомъ городѣ Гаагѣ. Здѣсь политики всѣхъ народовъ говорили о томъ, чтобы, если не устранить вовсе, то хоть затруднить и ограничить войну, выработавъ для нея общеобязательные законы и прежде всего—третейскій судъ для мирнаго рѣшенія международныхъ споровъ.

Но этотъ путь оказался малонадежнымъ. Русскій царь Николай II, по почину котораго созвана гаагская конференція, самъ же вскорѣ началъ ненужную и кровопролитную войну съ Японіей, и никто не могъ помѣшать этому. Право, выражаемое законами,—важное дѣло, но нужна еще какая-нибудь высшая власть, которая бы его поддерживала и заставила уважать. Каждое отдѣльное отечество, создавая у себя законы, худо ли, хорошо ли, создаетъ также и власть для ихъ поддержки. Только такимъ образомъ устраняется война всѣхъ противъ всѣхъ между отдѣльными людьми. Только такъ устранится она когда-нибудь и между народами.

Но гдѣ же взять такую власть для международнаго права, особенно, когда вспыхнетъ война, сразу обращающая международные договоры въ «клочки бумаги».

Есть, напримѣръ, въ Европѣ нѣсколько маленькихъ государствъ, какъ Бельгія, Швейцарія, Люксембургъ. Большія государства условились ихъ не трогать. Имъ обезпеченъ *нейтралитетъ*, т.-е. полная неприкосновенность ихъ границъ. А зато они обязаны сами не вмѣшиваться въ войну великихъ державъ и не давать ихъ арміямъ свободнаго прохода, чтобы кинуться другъ на друга. Европа хотѣла изъ нихъ создать какъ бы перегородки, мѣшающія войнѣ. Всѣ, въ томъ числѣ германскіе императоры, торжественно подписали эти договоры о нейтралитетѣ. Но какъ только началась война,—нѣмцы безъ церемоніи потребовали пропуска, чтобы кинуться на Францію. Бельгія, вѣрная обязательствамъ, отказала. Тогда нѣмцы раздавили несчастную страну. А когда нѣмецкіе соціалисты упрекнули своего государственнаго канцлера въ этой международной подлости, то Бетманъ-Гольвегъ цинично, съ откровеннымъ безстыдствомъ, заявилъ, что во время войны нельзя стѣсняться «какими-то клочками бумаги».

Война вся основана на силѣ. Чтобы обуздать ее, нужна, значитъ, какая-то еще большая сила, чѣмъ сила отдѣльныхъ государствъ, которая стала бы выше международной войны всѣхъ противъ всѣхъ.

Эту великую задачу беретъ на себя соціализмъ. Соціализмъ, это—еще одно иностранное слово, давно извѣстное просвѣщеннымъ людямъ, но съ которымъ еще только приходится знакомиться русскимъ широкимъ массамъ.

Кромѣ отвѣчнаго раздѣленія людей по отдѣльнымъ народностямъ, вѣрѣ, языку, мѣсту жительства, издавна существуетъ также великое раздѣленіе по общественному (соціальному) положенію. Нѣмецъ, французъ, русскій, англичанинъ говорятъ на разныхъ языкахъ, но работаютъ одинаковымъ образомъ въ поляхъ, въ рудникахъ, на фабрикахъ. И у всѣхъ существуетъ, съ одной стороны, подавляющая бѣдность, съ другой—

излишнее богатство. Это вещь такая же старая, какъ война, и такъ же давно кипитъ у всѣхъ народовъ глухая борьба бѣдныхъ съ богатыми.

Соціалисты говорятъ: до сихъ поръ братство людей не достигнуто потому, что люди понимали его неправильно; братьями считались только люди одного отечества, говорящіе на одномъ языкѣ и одинаково вѣрующіе. Но истинные братья не тѣ, кто одинаково говоритъ и вѣруетъ, а тѣ, кто одинаково трудятся и одинаково терпятъ отъ соціальной (общественной) несправедливости. Нѣмецкій рабочій долженъ скорѣе признать братомъ французскаго рабочаго, чѣмъ своего же нѣмецкаго фабриканта. Всѣ рабочіе всего міра должны соединиться, чтобы вмѣстѣ устроить справедливыя отношенія между трудящимися и предпринимателями (трудомъ и капиталомъ). Отсюда тотъ призывъ, который теперь слышенъ такъ часто, который развѣвается на красныхъ знаменахъ: «Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Это—призывъ *международнаго соціализма*. Давно уже сдѣланы попытки объединить рабочихъ въ международное Общество, которое и называется «Интернаціоналомъ». Интернаціоналъ сразу же, по своемъ возникновеніи, объявилъ: не нужно борьбы разныхъ народовъ за политическое преобладаніе. Нужна борьба *классовъ* за установленіе справедливости во всѣхъ государствахъ одинаково. Когда объединеніе всѣхъ трудящихся совершится, то въ немъ потонетъ международное соперничество. Войны прекратятся, потому что не будетъ отдѣльныхъ отечествъ. Но отечества рабочимъ не нужны. Они нужны только богатымъ. У соціалиста не должно быть отечества»,—рѣзко и

смѣло заявили основатели Интернаціонала въ такъ-называемомъ «коммунистическомъ манифестѣ» 1848 г.

Вотъ откуда отрицаніе отечества. Но мы увидимъ дальше, что теперешній соціализмъ, провѣривъ эту мысль долгой борьбой мнѣній, отвергъ ее подавляющимъ большинствомъ на всѣхъ своихъ международныхъ съѣздахъ.

VI

Интернаціоналъ и отечества

Постепенно ученіе соціалистовъ ширилось во всѣхъ странахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и ихъ вліяніе. Правительствамъ, сначала преслѣдовавшимъ интернаціоналистовъ, пришлось мириться съ тѣмъ, что рабочіе посылаютъ своихъ представителей на международные съѣзды.

Такихъ съѣздовъ было много. Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи они происходили между прочимъ: въ Парижѣ въ 1900 г., въ Амстердамѣ—въ 1904 г., въ Штуттгардтѣ—въ 1907 г., въ Копенгагенѣ—въ 1910 г. и почти наканунѣ войны, въ 1912 г.,—въ Базелѣ. На всѣхъ этихъ съѣздахъ много говорилось о томъ, что рабочіе, которые всего болѣе страдаютъ отъ войны, должны предотвратить ее, что только ихъ международный союзъ можетъ дать силу, которая станетъ выше международныхъ споровъ и столкновеній.

Какъ же это сдѣлать? Сначала это казалось просто: безъ рабочаго народа невозможна никакая работа. Значитъ, стоитъ рабочимъ согласиться между собой

не помогать и даже мѣшать войнѣ, и войны не будетъ. А если опять какое-нибудь государство затѣетъ войну,— надо всѣмъ рабочимъ возстать и объявить войну всѣмъ капиталистамъ. Начнется классовая война вмѣсто войны международной.

Эту мысль особенно горячо отстаивалъ французъ Эрве. Онъ стоялъ за первоначальную формулу коммунистическаго манифеста: у социалиста нѣтъ отечества. «Мнѣ все равно,—говорилъ онъ,—французы ли побѣдятъ нѣмцевъ, или Вильгельмъ возьметъ Парижъ. А я все-таки буду бороться только съ капиталистами моей страны».

Однако, послѣ ряда международныхъ съѣздовъ обнаружилось съ полной ясностью, что современный соціализмъ не отказывается отъ отечества. Однажды вождь нѣмецкаго соціализма Бебель произнесъ въ германскомъ рейхстагѣ замѣчательную рѣчь въ этомъ смыслѣ. Бебель былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ Европѣ, которымъ невольно любовались даже противники. Въ своей рѣчи онъ горько упрекалъ германскіе правящіе классы за ихъ захватныя стремленія, за усиленныя вооруженія, за угрозы общему миру. Когда, наконецъ, онъ сказалъ, что нѣмецкіе рабочіе должны помѣшать нѣмецкимъ правительствамъ напасть на Россію или на Францію, то ему крикнули со скамей:

— Это—измѣна отечеству!

Бебель отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мы—не измѣнники! Мы не хотимъ только, чтобы наше отечество начало войну, какъ грабитель и разбойникъ. Но,—прибавилъ онъ,—если какой-нибудь другой народъ нападетъ на Германію, то я первый

возьму свою старую рушницу (meine alte Flinte и пойду защищать ее.

Чѣмъ Бебель былъ для Германіи, тѣмъ соціалистъ Жоресъ былъ для Франціи: совѣстью не только своей партіи, но и совѣстью своего народа. Онъ тоже много воевалъ съ шовинистами и захватчиками въ своей странѣ. Но и онъ говорилъ, какъ Бебель:

— Если бы случилось, что какой нибудь другой народъ напалъ бы на Францію, то мы, соціалисты, умремъ въ первыхъ рядахъ ея защитниковъ.

И оба эти вождя соціалистовъ ясно повторили это на многихъ съѣздахъ, въ томъ числѣ (за четыре года до войны) въ Штуттгардтѣ. Оба они доказывали, что у соціалистовъ не можетъ не быть отечества.

— Эрве говоритъ,—сказалъ Бебель,—что отечество есть лишь отечество господствующихъ классовъ, что рабочему пролетаріату до него нѣтъ дѣла... Но еще вопросъ, кому принадлежитъ отечество... Почему же всякій народъ, терпящій иноземное владычество,— если даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно благодѣтельно,—возстаетъ всей массой для борьбы за свободу и отодвигаетъ для этой цѣли все остальное на задній планъ? Мысль Эрве, что рабочему пролетаріату все равно,—принадлежитъ ли Франція Германіи, или Германія—Франціи,—есть нелѣпость.

Въ залѣ проносятся оживленныя восклицанія, кто-то кричитъ: «Это даже не мысль!», а Бебель продолжаетъ:

— Если бы вы, Эрве, захотѣли провести эту мысль на практикѣ, то ваши соотечественники затоптали бы васъ ногами. (Восклицанія: «Совершенно вѣрно!»).

Оказалось, такимъ образомъ, что инстинктъ родины живъ и у соціалистовъ. И лучшіе вожди, и огромное

большинство разсуждали не такъ, какъ Эрве, а такъ, какъ Якубовичъ. Да, мы знаемъ, что на совѣсти нашихъ отечествъ много несправедливости; что родина бываетъ для многихъ мачехой; мы боремся съ ея грѣхами, но мы любимъ ее и не дадимъ въ обиду, въ случаѣ нужды.

Противники отечествъ говорили, что эта любовь къ родинѣ—инстинктъ неразумный, чувство зоологическое (т.-е. животное). Нѣтъ, отвѣчали имъ, любовь къ отечеству не только—слѣпой инстинктъ. Любить родину—разумно и полезно.

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли уже единое человѣчество? Его еще нѣтъ. А отечества есть. Для единаго человѣчества нужно еще много работать. Гдѣ? Въ отечествахъ. Только добившись преобладанія въ своихъ отечествахъ, сдѣлавъ ихъ свободными и справедливыми, мы подготовимъ союзъ народовъ, отечество отечествъ, единое человѣчество.

Эти мысли развивались и крѣпли съ каждымъ новымъ съѣздомъ.

— Неправда,—говорилъ Фольмаръ въ Штутгардтѣ,—будто интернаціонализмъ враждебенъ національнымъ отечествамъ... Любовь къ человѣчеству не мѣшаетъ нѣмцу быть добрымъ нѣмцемъ. Нельзя прекратить существованіе націй и обратить ихъ въ безразличную народную кашу.

Бебель и нѣмецкіе соціалисты предостерегали противъ классовыхъ возстаній и общихъ забастовокъ въ случаѣ объявленія войны.

— Мы не хотимъ ослаблять свои силы для чего-то еще несуществующаго, чего мы, быть-можетъ, въ нужный моментъ не въ силахъ будемъ выполнить.

— Въ самомъ дѣлѣ,—говорили и другіе,—Интернаціоналъ еще не настолько силенъ, чтобы обезпечить единство дѣйствій всего пролетаріата. Въ однѣхъ странахъ, болѣе культурныхъ, рабочіе болѣе организованы. Допустимъ, что они, повинуясь Интернаціоналу, обезоружатъ своихъ соотечественниковъ. А въ это время другимъ это не удастся, и наиболѣе сознательный народъ будетъ порабощенъ и задавленъ менѣе сознательными. Не скажетъ ли тогда побѣжденный народъ, что свои же братья, соціалисты, связали ему руки и сдѣлали беззащитнымъ въ общей международной свалкѣ? И это сдѣлано во имя призрачнаго еще Интернаціонала, который оказался безсильнымъ защитить его!

Жоресъ отъ имени французовъ предложилъ даже внести въ постановленіе штуттгардтскаго съѣзда, что «защита независимости всякой родины, которой угрожаетъ иноземное нашествіе, *составляетъ настоятельный долгъ соціалистовъ угрожаемой націи*».

— Отечество, это—сокровищница человѣческаго генія,—сказалъ Вальянъ при общемъ одобреніи,—и не подобаетъ пролетаріату разбивать эти драгоцѣнные сосуды человѣческой культуры!

А шведъ Брантингъ обобщилъ всѣ эти мнѣнія и сказалъ:

— Мы должны быть благодарны Эрве: онъ далъ намъ возможность обнаружить полное единодушіе въ томъ, что интернаціонализмъ и національность не только не противны другъ-другу, а, наоборотъ, взаимно другъ-друга дополняютъ.

Наконецъ, докладчикъ съѣзда бельгіецъ Вандервельде повторилъ слова Бебеля:

— Существованіе свободныхъ націй является ступенью для самой интернаціональности, такъ какъ только *изъ союза свободныхъ народовъ* возникнетъ будущее единое человѣчество!

VII

Предвѣстники великой войны —Базельскій съѣздъ

Между тѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ уже поднималась темная туча.

Въ этомъ уголкѣ Европы—тѣсно и въ давней враждѣ между собой жило много мелкихъ народовъ, когда-то покоренныхъ и задавленныхъ нашествіемъ турокъ, но всегда мечтавшихъ объ освобожденіи. Постепенно удалось освободиться Греціи, Сербіи, Болгаріи и Румыніи; но подъ турецкимъ владычествомъ оставались еще христіанскія земли, въ томъ числѣ Македонія. Эта страна населена болгарами, греками, сербами и румынами, и всѣ эти народности, ненавидя турокъ, также ненавидѣли другъ друга. Это былъ роковой узелъ національныхъ вопросовъ, запутанный стихійной (бездумной) исторіей народовъ, съ ихъ войной всѣхъ противъ всѣхъ. Греки на Балканахъ мечтали о Великой Греціи, сербы—о Великой Сербіи, болгарамъ снилась Великая Болгарія, а румынамъ—Великая Румынія. И каждый изъ этихъ народовъ мечталъ стать господствующимъ на полуостровѣ вмѣсто Турціи. Поэтому, когда македонцы возстали противъ турокъ, то сначала Греція, Сербія и Болгарія соединились противъ Турціи, а потомъ, одолѣвъ

турокъ, кинулись другъ на друга. Великія державы Европы,—Россія, Италія, Австрія и Германія,—тоже высматривали, чѣмъ бы поживиться изъ турецкаго наслѣдства, то всѣ чувствовали, что война перекинется на Европу, которая давно уже болѣла «вооруженнымъ миромъ». Нѣмцы боялись усиленія Россіи и славянства. Русскіе имѣли основанія бояться германства. Франція не могла забыть, что Германія отняла у нея въ 1870 году Эльзасъ и Лотарингію, и боялась, что нѣмцы опять могутъ кинуться на нее.

И всего хуже было то, что всѣ эти опасенія были основательны: каждый народъ стремился схватить что можно у развалившейся Турціи, чтобы не дать захватить другому...

Европа раздѣлилась на враждебные лагери. Россія и Франція съ одной стороны, Германія и Австрія—съ другой, Остальныя державы разсчитывали, куда имъ выгоднѣе примкнуть въ случаѣ свалки. Дипломаты шептались, государственные люди собирались на тайныя совѣщанія, заключались и разстраивались союзы. Европа безпокоилась и металась передъ бурей.

При такихъ обстоятельствахъ соціалисты рѣшили созвать внѣочередной международный съѣздъ, чтобы обсудить грозное положеніе. Старый швейцарскій городъ Базель предложилъ имъ свое гостепріимство, и съѣздъ состоялся въ этомъ городѣ въ 1912 году. Вся Европа устремила туда свои взгляды съ тоской и надеждой, можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ удастся еще отклонить войну. Базельское кантональное правительство, во главѣ со своимъ президентомъ, привѣтствовало вождей рабочаго Интернаціонала на вокзалѣ. Базельскій церковный совѣтъ предоставилъ для съѣзда зданіе ста-

риннаго собора и встрѣтилъ членовъ съѣзда торжественнымъ колокольнымъ звономъ. Все показывало, какія ожиданія возлагались на этотъ съѣздъ. Это не былъ только съѣздъ рабочаго класса. Его задачи выходили изъ узкихъ классовыхъ рамокъ, его цѣли были одинаково близки лучшимъ людямъ всѣхъ классовъ, всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Онѣ совпадали съ вѣчными стремленіями человѣческаго объединенія. Соціализмъ становился между мрачнымъ прошлымъ, полнымъ войны всѣхъ противъ всѣхъ, и призывомъ къ свѣтлому будущему единаго человѣчества.

Впечатлительный и краснорѣчивый Жоресъ проникся настроеніемъ минуты и въ своей привѣтственной рѣчи, указывая на старинные колокола собора, припомнилъ латинскій стихъ Шиллера: «Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango». Значитъ: колоколъ сзываетъ живыхъ, оплакиваетъ мертвыхъ, разсѣиваетъ звономъ грозовыя тучи. Такъ и съѣздъ международныхъ соціалистовъ собрался здѣсь, чтобы оплакать уже погибшихъ на Балканахъ въ кровавой войнѣ, призвать живыхъ къ миру и разсѣять надвигающуюся на Европу грозу.

Но что же для этого нужно сдѣлать? Уже предыдущіе съѣзды выяснили, что соціалисты могутъ призывать къ миру своихъ соотечественниковъ, но настоящей международной силы у нихъ еще нѣтъ. Поэтому и базельскій съѣздъ высказалъ много превосходныхъ мыслей, но затѣмъ повторилъ, какъ и штуттгардтскій, резолюцію копенгагенскаго съѣзда: соціалисты должны помѣшать начатію войны. А если она все-таки начнется, то они должны постараться поскорѣе прекратить ее

и воспользоваться кризисомъ для того, чтобы ускорить паденіе капиталистическаго строя.

Но какими средствами этого достигнуть, Интернаціоналъ не говорилъ. Средства онъ предоставлялъ «на усмотрѣніе отдѣльныхъ національностей». Болѣе того: онъ не могъ поручиться, что если соціалистамъ какого-нибудь народа удастся обезоружить свое отечество, то то же самое сдѣлаютъ и другіе. А если другіе не сдѣлаютъ, то—для чего же стараться? Только для того, чтобы помочь захватчикамъ одного народа раздавить чужія отечества? Какая же польза отъ этого единому человѣчеству?

Чувства, возбужденныя базельскимъ съѣздомъ, были смутны и неопредѣленны. Единое человѣчество— попрежнему еще только мечта. Базельскіе колокола могли только оплакивать мертвыхъ и звать живыхъ къ миру. Но разсѣять грозовыя тучи одни колокольные звуки и слова оказались безсильны.

Отечества вооружались, а у человѣчества не было силы, чтобы предписать всѣмъ единый законъ. Соціалисты возвращались въ свои отечества не съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ, а съ общимъ настроеніемъ: слѣдуетъ мѣшать нападенію.

Но какъ опредѣлить при войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, кто нападаетъ и кто защищается. Въ запрошломъ столѣтіи происходила знаменитая семилѣтняя война (съ 1756 по 1763 гг.). И до сихъ поръ историки спорятъ о томъ, кто ее задумалъ первый. Правда, Фридрихъ прусскій первый вторгнулся въ Австрію. Но онъ сдѣлалъ это послѣ того, какъ узналъ навѣрное, что Австрія уже заключила союзъ съ Россіей, чтобы напасть на Пруссію. А Австрія хотѣла напасть, чтобы вернуть отнятую

у нея Силезію. И такіе счеты у всѣхъ государствъ уходятъ далеко въ прошлое. Каждый народъ можетъ насчитать много такихъ обидъ отъ сосѣда, какъ и тотъ отъ него. Въ этомъ—глубокая неисходная трагедія человѣчества, наслѣдіе прошлыхъ временъ!

VIII

Война—трагедія

Я долженъ объяснить значеніе этого иностраннаго слова «трагедія», которое я поставилъ въ заголовкѣ этой главы, и которое выражаетъ основную мысль всей моей статьи.

Трагедіей греки называли такое стеченіе грозныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, когда есть на-лицо страшная вина, влекущая наказаніе, но нѣтъ прямыхъ виновниковъ. Убить отца... жениться послѣ этого на родной матери... Можетъ ли быть болѣе страшное нарушеніе божескихъ и человѣческихъ законовъ, и можетъ ли это сдѣлать человѣкъ невинный?

Да, можетъ, — отвѣчали греческіе мыслители. Всѣмъ въ этомъ мірѣ правитъ *Рокъ*, противъ котораго безсильны даже боги. Въ книгѣ судебъ отъ вѣка было написано, что у фиванскаго царя Лая родится сынъ, который убьетъ отца и послѣ этого женится на родной матери. Когда родился Эдипъ, то отецъ, чтобы избѣгнуть Рока, отправилъ его въ дальнія страны, гдѣ онъ выросъ въ безвѣстности. Но когда онъ пришелъ въ возрастъ, то отправился путешествовать по свѣту и пришелъ въ Фиванскую землю, не зная, что приближается къ родинѣ. Въ тѣ времена, близкія еще къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, на него, чужестранца, напали на дорогѣ, чтобы убить его. Защищаясь, онъ убилъ предводителя, не зная, что это его отецъ. Потомъ пришелъ въ Фивы, обратилъ на себя вниманіе своей мудростью и, по общему желанію жителей, сталъ царемъ и женился на вдовѣ-царицѣ, не зная, что это его мать.

Пока ни въ какомъ отдѣльномъ дѣйствіи нѣтъ умышленнаго грѣха. Но изъ всего вмѣстѣ слагается страшное нарушеніе божескихъ законовъ, требующихъ возмездія. Люди любятъ и уважаютъ Эдипа, боги его жалѣютъ, но наказаніе онъ все-таки несетъ.

Трагическія положенія часто встрѣчаются въ жизни, и мы порой слишкомъ поспѣшно находимъ виновниковъ. Кто, напримѣръ, виновенъ въ томъ, что такой-то человѣкъ сошелъ съ ума? Онъ самъ? Его образъ жизни? Или образъ жизни и какія-нибудь излишества его родителей? Часто ни то, ни другое: на человѣкѣ отражается сумасшествіе его отдаленнаго предка.

Не то же ли и съ войной, этимъ сумасшествіемъ человѣчества? Гдѣ ея причины, кто ея виновникъ?

Военные? Вѣдь это они убиваютъ своихъ ближнихъ! И вотъ Эрве страстно обрушивается на военныхъ. Но вѣдь они и умираютъ первыми, и имъ, конечно, было бы пріятнѣе получать жалованье и красоваться въ живописныхъ мундирахъ, не рискуя каждую минуту попасть на штыкъ или подъ пулю.

Правительства? Да, иногда правительства, особенно монархическія, затѣвали войны, чтобы отвлечь вниманіе народовъ отъ внутреннихъ вопросовъ. Но теперь правительства въ большей части странъ демокра-

тическія, т.-е. ставятся самими народами, и нынѣшняя война несомнѣнно есть война народовъ, а не однихъ правительствъ. Въ Германіи соціализмъ всего сильнѣе. И однако она оказалась наиболѣе готовой къ войнѣ, и соціалисты въ ней—лучшіе солдаты.

Капиталисты и имущіе классы? На нихъ указываютъ теперь то-и-дѣло, какъ на всегдашнихъ виновниковъ войнъ. При этомъ прежде всего приходятъ на умъ огромныя военныя прибыли предпринимателей. Но объяснять войну жадностью къ военнымъ прибылямъ—совершенные пустяки. Много ли тѣхъ, кто прямо наживается на войнѣ? А вся промышленность и торговля отъ нея страдаютъ. Кромѣ того при общей воинской повинности сыновья имущихъ классовъ тоже гибнутъ на поляхъ сраженій. Какими деньгами вознаградишь такія потери?

Можно сказать, конечно: да, война страшна и неудобна всѣмъ, но завоеванія и захваты выгодны однимъ капиталистамъ, а не рабочимъ. Только имъ и нужны новыя земли для эксплуатаціи.

Но если пристально вдуматься въ этотъ вопросъ, то это окажется невѣрно. Когда страна пріобрѣтаетъ новую землю, новый рынокъ для сбыта своихъ товаровъ, то капиталисты получаютъ большую долю, какъ и во всемъ, при нынѣшнемъ строѣ, но нельзя отрицать, что выигрываетъ часто и весь народъ. Расширяется спросъ на трудъ, поднимается рабочая плата, получаются болѣе дешевые колоніальные товары. Это выгодно всѣмъ.

Да, слишкомъ легкія объясненія по большей части бываютъ невѣрны. Народы были бы ужъ слишкомъ глупы, если бы такъ легко шли на бойню изъ-за барышей однихъ капиталистовъ. Войны были задолго до

того, какъ явились капиталисты. Война—явленіе старое и глубокое, дѣйствительно еще зоологическое.

Есть на Средиземномъ морѣ большой островъ—Корсика. О немъ говорили еще недавно, что тамъ рѣдкій мужчина умираетъ своею смертью. На этомъ островѣ существуетъ обычай родовой мести. За убійство или обиду платятъ убійствомъ же. Мальчикъ осиротѣлой семьи, подростая, знаетъ, что на немъ лежитъ «священная обязанность» убить такого-то. Иванъ убиваетъ Петра, потому что Петръ убилъ его отца. А Петръ убилъ отца Ивана потому, что тотъ убилъ его брата. А если у убитаго нѣтъ брата или сына, то долженъ отомстить дядя или племянникъ. И если начать розыски,—кто началъ эту непрерывную цѣпь убійствъ,—то можно, пожалуй, дойти до Каина. Нѣтъ въ отдѣльности ни правыхъ, ни виновныхъ, а виновны всѣ, что до сихъ поръ не сумѣли найти другого способа установить справедливость, кромѣ взаимнаго убійства, которое поэтому и тянется изъ безконечнаго прошлаго въ будущее.

Европа, если посмотрѣть на ея международныя отношенія, представляется такой же Корсикой. Нѣтъ въ ней ни одного народа, который когда бы то ни было не воевалъ съ другими народами. Нѣтъ ни одного, который бы въ прошломъ или настоящемъ не обидѣлъ другого народа и самъ не потерпѣлъ бы обиды. Каждый народъ при случаѣ вспоминаетъ, что его отечество вытерпѣло отъ другихъ. И это правда. А другіе вспоминаютъ, что вытерпѣли отъ него. И это тоже правда. Всѣ отечества складывались не по законамъ любви и правды, а зачаты въ первородномъ грѣхѣ войны всѣхъ противъ всѣхъ. И оттого вышло, что однимъ

народамъ просторно на бѣломъ свѣтѣ, другимъ тѣсно. У однихъ есть хорошіе доступы къ морю, удобные пути сообщенія со всѣмъ свѣтомъ, хорошія земли, природныя богатства. Другіе оттерты и затѣснены, имъ навязаны невыгодные договоры, и они вынуждены работать для другихъ.

Если мы посмотримъ на Балканскій полуостровъ, съ котораго начался великій пожаръ, то увидимъ что онъ похожъ на большую кладовую, въ которую плохой хозяинъ,—исторія прошлыхъ временъ,—свалила кучи народовъ другъ на друга безъ всякаго соображенія объ ихъ удобствахъ. Понятно, что они толкаются, тѣснятъ другъ друга и грызутся.

То, что было на Балканахъ, было и во всей Европѣ, и вотъ почему, когда Австрія предъявила Сербіи свой ультиматумъ (срочное требованіе), котораго ни одно государство не могло бы принять, не теряя самостоятельности, то это и послужило сигналомъ общеевропейской свалки... Сначала у австрійскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ хватило мужества признать, что австрійскія требованія невозможны.

— Это вы первые нападаете,—говорили они своимъ отечествамъ. — Вы совершаете преступленіе.

Но когда Россія, понявъ это именно какъ объявленіе войны ей черезъ головы сербскихъ славянъ, стала мобилизовать войска, то правительства Германіи и Австріи крикнули своимъ народамъ:

— Россія собирается напасть на насъ!

И всѣ народы сразу почувствовали, что великая трагедія надвинулась, что некогда имъ разбираться, кто дѣйствительно нападаетъ первымъ, потому что всѣ и всегда готовы напасть на всѣхъ... И какъ нѣкогда въ библейскія времена порой проносился крикъ: «Израиль, по кущамъ твоимъ!», и отдѣльныя племена сбѣгались къ своимъ шатрамъ, такъ и теперь отечества созывали своихъ сыновъ подъ знамена для защиты въ общей безумной свалкѣ.

Подъ вліяніемъ внѣшней опасности стихали распри, классовая борьба внутри прекращалась. Соціалисты входили въ составъ общеклассовыхъ правительствъ, чтобы показать, что теперь считаютъ самымъ важнымъ дѣломъ—защиту отечествъ по завѣтамъ Бебеля и Жореса...

Бебель въ это время уже умеръ... Жореса почти наканунѣ войны сразила пуля націоналиста-фанатика, не понимавшаго, какой ударъ онъ наноситъ своему же отечеству...

Война разразилась.

IX

Тоска о мирѣ.—Русскій мирный призывъ

Вскорѣ послѣ базельскаго съѣзда англійскій министръ Венстонъ Черчиль сказалъ: «Никто не можетъ предвидѣть послѣдствій общеевропейской войны. Она внесетъ такое разрушеніе въ экономическую и національную жизнь, что человѣчество вернется къ варварству Среднихъ вѣковъ. Когда-нибудь исторія напишетъ о насъ: это поколѣніе людей вдругъ сдѣлалось безумнымъ и въ порывѣ бѣшенства само истребило себя».

Это предсказаніе исполняется. Несчастная Бельгія уже раздавлена, Сербія—тоже, Румынія—при по-

слѣднемъ издыханіи. Великія государства еще продолжаютъ борьбу, но и они истекаютъ кровью.

Всѣ чувствуютъ, что этому ужасу пора положить конецъ, и если бы теперь съ какой-нибудь планеты можно было вслушаться въ тѣ стоны и вопли, которые несутся съ нашей преступной и несчастной земли, то во всѣхъ этихъ звукахъ слышался бы одинъ вздохъ: «миръ! миръ!».

Но старая Европа привыкла, что миръ всегда добывается чьей-нибудь побѣдой, чьимъ-нибудь пораженіемъ. Поэтому обѣ стороны, задыхаясь въ свалкѣ, говорятъ: «миръ настанетъ, когда мы побѣдимъ».

Середина Европы стоитъ противъ ея окраинъ. Германія и Австрія, съ помощью Болгаріи и Турціи, надѣются побѣдить Россію на востокѣ, Англію и Францію на западѣ, Италію на югѣ. Выдающійся нѣмецкій писатель-публицистъ Максимиліанъ Гарденъ писалъ въ началѣ войны: «Мы дадимъ вамъ новое право, и вы вынуждены будете ему подчиниться». Германія уже смотрѣла на Европу, какъ на свое имѣніе, гдѣ строгій хозяинъ водворитъ выгодный ему порядокъ среди подчиненныхъ.

Державы согласія говорятъ въ свою очередь: для мира нужно, чтобы Германія,—самое заносчивое и воинственное изъ отечествъ,—была побѣждена. Нужно не только побѣдить ее, но обезсилить, обезкровить, обезденежить какъ можно больше, чтобы она походила на человѣка при послѣднемъ издыханіи. Пока она отдышится, остальные народы вздохнутъ свободно, и она не сможетъ болѣе грозить остальной Европѣ...

Такъ разсуждали политики. Но среди изстрадавшихся народовъ находятъ отголосокъ другія мысли:

можно ли рѣшать такіе вопросы безъ мысли о человѣчествѣ. Миръ черезъ войну,—какъ новое убійство изъ родовой мести на Корсикѣ,—только удлинитъ вѣковѣчную цѣпь общихъ преступленій, прибавитъ новое раскаленное звено въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Балканскій полуостровъ—превосходный примѣръ: кто поручится, что между союзными нынѣ великими державами не подымется такая же свалка изъ-за добычи, какая поднялась между балканскими народами. Война родитъ войну...

Въ разгаръ франко-прусской войны 1870 года, еще до окончательной побѣды нѣмцевъ, нѣмецкій профессоръ Бидерманъ говорилъ на студенческомъ праздникѣ въ Лейпцигѣ: «Мы нанесемъ французской націи такое пораженіе, что она въ теченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія не сможетъ думать о войнѣ. Мы достигнемъ этого, если позаботимся, чтобы и тѣло Франціи стало нѣсколько меньше» [1]). И это исполнилось. Нѣмцы побѣдили, наложили на Францію тяжелую контрибуцію и отхватили у нея двѣ провинціи.

Стоило это очень дорого. Уже тогда война была ужаснѣе всѣхъ предыдущихъ. Усовершенствованныя ружья косили сплошь цѣлые батальоны. Прусскій король писалъ своей женѣ: «Потери такъ огромны, что это отравляетъ радость побѣды». А въ берлинской газетѣ «Будущее» писали по этому поводу: «Предъ блѣднымъ лицомъ смерти склоняются рожденные въ пурпурѣ. Слишкомъ далеко захватилъ ея серпъ, слишкомъ обильна жатва» [2]).

---

[1]) Бебель. «Моя жизнь». Ч. II, вып. 1, стр. 166.
[2]) Тамъ же, стр. 169.

Нѣмецкіе соціалисты уже тогда предупреждали свой народъ противъ захватовъ. Но ихъ не слушали. И вотъ тѣ самые юноши-студенты, которые тогда рукоплескали Бидерману, стали отцами и дѣдами, и теперь ихъ дѣти и внуки поятъ своей кровью тѣ же поля Франціи въ новой войнѣ, передъ которой даже война 1870 года представляется уже игрушечной, и опять обѣ стороны говорятъ о контрибуціяхъ, о захватахъ, которые должны «ослабить тѣло противника»! Какой же выраститъ посѣвъ изъ этого новаго сѣмени и какъ глубоко захватитъ серпъ смерти въ слѣдующей войнѣ, если Европа и теперь не сумѣетъ прекратить международную войну всѣхъ противъ всѣхъ!

Нѣтъ, этому вѣчному преступленію человѣчества нужно положить конецъ. Нужно затоптать сѣмя войны, родящей новыя войны, и, быть-можетъ, именно теперь пришло для этого время. Неужели этого страшнаго урока самоистребленія европейскихъ народовъ недостаточно, чтобы навсегда отказаться отъ войны всѣхъ противъ всѣхъ, отъ старыхъ способовъ рѣшенія международныхъ вопросовъ захватами. Вѣдь, если и нынѣшній «миръ» посѣетъ только ненависть и жажду мести, то жатва созрѣетъ въ видѣ новой войны, передъ которой поблѣднѣютъ даже ужасы нынѣшней... И тогда уже навѣрное европейская культура погибнетъ въ развалинахъ...

И вотъ наше отечество пытается сказать слово, которое должно заклясть демоновъ самоистребленія, четыре года бушующихъ надъ Европой...

Наше отечество вступило въ войну рабомъ самодержавія. Къ концу ея оно подходитъ обезкровленнымъ, какъ всѣ, можетъ-быть, болѣе другихъ обезсилѣвшимъ,

но свободнымъ. Оно пережило революцію, а во время такихъ переворотовъ народы пріобрѣтаютъ иногда способность ясновидѣнія. Они—плохіе дипломаты, но порой являются пророками.

Россія предлагаетъ миръ безъ аннексій и контрибуцій, т.-е. безъ земельныхъ захватовъ и карательныхъ штрафовъ съ чьей бы то ни было стороны.

Когда-нибудь этотъ кровавый сонъ минуетъ. Люди оглянутся на эту войну, какъ на прошлое. Я не знаю, что тогда придется сказать о Россіи. Дойдетъ ли наше отечество до конца трагической свалки народовъ съ сознаніемъ правды, свободы и чести, или наши ошибки отдадутъ насъ во власть внутренней анархіи и внѣшняго завоеванія, покрывъ Россію позоромъ. Это зависитъ отъ нашихъ собственныхъ дѣйствій. Пока одно для меня несомнѣнно: Россія сказала о мирѣ важное слово, къ которому Европѣ раньше или позже все равно придется вернуться...

Если бы, напримѣръ, на Корсикѣ кто-нибудь, раненый въ свалкѣ родовой мести, крикнулъ своимъ друзьямъ и врагамъ: «Не надо мести! Всѣ мы виновны въ томъ, что терпимъ звѣрскій обычай самоистребленія», то это было бы то же, что теперь Россія говоритъ народамъ. Хотѣлось бы вѣрить, что когда-нибудь наши потомки будутъ гордиться тѣмъ, что наше отечество первое сказало среди безумія и крови истинно-человѣческое слово: война—трагедія, въ которой виновны всѣ народы передъ высшимъ судомъ человѣчества. Поэтому не надо захватовъ и контрибуцій. За общую вину не можетъ быть ни казни, ни награды.

Я знаю: противъ этого возстанетъ много честныхъ людей, любящихъ родину. Какъ?—скажутъ они.—Но

развѣ Австрія не предъявила Сербіи требованія (ультиматума), которое соціалисты ея и Германіи единодушно признали первымъ вызовомъ? Развѣ не Германія напала на несчастную нейтральную Бельгію за вѣрность международному договору? Какъ же послѣ этого не сказать, что войну начала Австро-Германія, а остальные народы только обороняются?

Да, я тоже думаю, что на Германіи лежитъ большая доля отвѣтственности за самое начало войны. Она готовилась долго и предумышленно. «У человѣка, который первый зажжетъ міровой пожаръ,—сказалъ, если не ошибаюсь, англичанинъ Чемберленъ,—должно быть желѣзное сердце». Да, желѣзное сердце и безжалостный взглядъ!... Въ Германіи, руководимой прусской военщиной, въ этомъ недостатка не оказалось, и это она твердой рукой первая поднесла огонь къ готовому костру войны.

Но скажемъ правду: самый костеръ приготовленъ не одними германцами. Одни больше, другія меньше, но всѣ государства готовили десятилѣтіями горючій матеріалъ, и нѣтъ ни одного самаго малаго народца, который не притащилъ бы свою вязанку, какъ извѣстная вдовица на костеръ мученика Гуса. И когда это опасное сооруженіе было готово, то политики всѣхъ государствъ ходили вокругъ него, зорко высматривая, когда именно слѣдуетъ поджечь костеръ, чтобы это было наиболѣе выгодно ихъ отечествамъ. У Германіи расчетъ оказался вѣрнѣе, рука тверже. Но это-то и нужно въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, пока она существуетъ. И германцы подожгли костеръ въ нужное для нихъ время, чтобы другіе не сдѣлали этого тогда, когда имъ будетъ неудобно.

Въ 1874 году, три года спустя послѣ франко-прусской войны, знаменитый полководецъ Мольтке говорилъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, защищая проектъ новыхъ вооруженій:—То, что мы съ оружіемъ въ рукахъ добились въ полгода (Эльзасъ и Лотарингія), мы должны защищать оружіемъ въ теченіе полувѣка, чтобы оно силой не было у насъ отнято[1]).

Почти полвѣка прошло, а задача не выполнена. И Европа опять думаетъ объ аннексіяхъ, т.-е. принимается за сооруженіе новаго костра, который кто-нибудь опять подожжетъ въ удобное для себя время!

Вотъ противъ чего предупреждаетъ голосъ Россіи, пережившей революцію и одержимой припадкомъ ясновидѣнія: не надо больше захватовъ!

Это сказала сначала русская демократія народамъ, потомъ подтвердило государство государствамъ, какъ первую основу для мира.

За себя Россія впередъ отказывается отъ Константинополя и проливовъ, которые уже были обѣщаны намъ нашими союзниками въ случаѣ побѣды. Правда, мы слышимъ то-и-дѣло, что Константинополь и проливы вовсе не нужны нашему народу, а нужны только капиталистамъ, торговцамъ и промышленникамъ. Но это совершенно невѣрно. Они нужны для нашей торговли и промышленности и для нашей государственной безопасности. Отъ этого несомнѣнно выигралъ бы весь народъ. Владѣя проливами, мы были бы хозяевами на Черномъ морѣ и могли бы уменьшить постоянныя траты на дорогой черноморскій флотъ. Поэтому совершенно ясно, что когда П. Н. Милюковъ, будучи министромъ, такъ упорно отстаивалъ эту обѣ-

[1]) Бебель. Моя жизнь. ч. II., вып. II., стр. 165.

щанную намъ долю будущей военной добычи, то онъ отстаивалъ ее не для однихъ капиталистовъ, но и для всего государства.

Да! Но какой цѣной досталась бы намъ эта добыча! Захватъ ведетъ къ необходимости новыхъ захватовъ, война призываетъ новую войну. Намъ, какъ и Пруссіи послѣ Эльзасъ-Лотарингіи, пришлось бы принимать мѣры, чтобы обезпечить «плоды побѣды»: прежде всего захватами на томъ же Балканскомъ полуостровѣ. И въ нашемъ пріобрѣтеніи лежали бы зародыши будущей войны, какъ нѣмецкій захватъ 1870 года посѣялъ нынѣшнюю войну.

Возставшій народъ—не дипломатъ. Дѣлаютъ много возраженій русскому призыву. Какъ быть, напримѣръ, съ тѣми контрибуціями, которыя Германія уже содрала съ занятыхъ мѣстностей? Какъ быть съ разоренной въ конецъ Сербіей? Кто возстановитъ Бельгію, пострадавшую за вѣрность установленнымъ всей Европой договорамъ о нейтралитетѣ?..

Да, все это вѣрно, если смотрѣть на русское обращеніе, какъ на дипломатическую ноту или проектъ международнаго закона. Но это ни то, ни другое. Это—человѣческій голосъ среди звѣриной свалки. Это—призывъ къ переговорамъ о мирѣ на новыхъ началахъ, рука, протягиваемая во имя будущаго.

Она осталась висѣть въ воздухѣ... Ея не приняли. Это, говорятъ, постыдно для нашего отечества.

Нѣтъ, это не постыдно. Напоминаніе о высшихъ истинахъ человѣчности само по себѣ не приноситъ стыда. Принять протягиваемую нами руку или отвернуться—дѣло другихъ, а мы отвѣчаемъ только за свои слова и поступки. И только отъ нашего собственнаго поведенія зависитъ, во что обратится нашъ призывъ: въ великое дѣло или въ ничтожныя слова безъ значенія и вѣса.

Кѣмъ сдѣланъ призывъ? Какой-нибудь политической партіей? Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ? Частью арміи, находящейся въ Петроградѣ?

Тогда онъ стоитъ немного, во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ смѣлый протестъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ 1870 году. Вѣрная мысль, честное мнѣніе, но оно не могло остановить войны ни тогда, ни впослѣдствіи.

Лишь послѣ того, какъ этотъ призывъ повторенъ нашимъ правительствомъ въ международныхъ нотахъ, онъ сталъ голосомъ Россіи, который русское государство берется поддержать на мирномъ совѣщаніи народовъ.

Но отсюда возникаетъ новый вопросъ огромнаго, рокового значенія. А именно:

Много ли значитъ теперь голосъ нашего отечества?

Отечество и человѣчество. Урокъ русской революціи

Да, это такъ. Своимъ призывомъ Россія взяла на себя заступничество за дѣло всего человѣчества. Не сепаратный миръ съ измѣной союзникамъ, не миръ во что бы то ни стало для себя, а основа прочнаго мира для всей Европы,—такова цѣль, выдвинутая русскимъ воззваніемъ. Эта цѣль—прекращеніе международной войны всѣхъ противъ всѣхъ, завершеніе великой рабо-

ты человѣческихъ объединенiй, которая въ теченiе вѣковъ совершалась отечествами.

И вотъ когда русскимъ соцiалистамъ приходится вспомнить завѣтъ лучшихъ вождей Интернацiонала: «думая о единомъ человѣчествѣ, не разрывайте съ отечествами». Только черезъ сильное отечество и мы можемъ теперь выполнить великую задачу. Россiи нужна была сила для самозащиты въ великой свалкѣ народовъ. Она должна быть вдвое сильнѣе теперь, когда взяла на себя дѣло человѣчества.

Въ дѣлѣ войны наше положенiе просто. Противъ насъ наши враги, ихъ штыки и пули. Съ нами наши союзники. Успѣхи послѣднихъ въ войнѣ являются и нашими успѣхами. Ихъ пораженiе есть и наше пораженiе. Тутъ наши цѣли общiя. Содѣйствовать имъ—дѣло нашей чести, пока длится война, пока враги являются на дѣлѣ торжествующими захватчиками.

Въ концѣ войны стоитъ вопросъ общаго соглашенiя о мирѣ. Каковы будутъ его начала? Тутъ уже положенiе наше не такъ просто. Тутъ у насъ есть сторонники даже среди враговъ и есть несогласные даже среди союзниковъ. Наши сторонники всѣ тѣ, кто вѣритъ въ великую мечту о братствѣ народовъ, въ близость и возможность ея осуществленiя. Противъ насъ въ этомъ дѣлѣ всѣ тѣ, для кого мечта останется мечтой, неосуществимой и далекой, кто ищетъ мира только въ окончательномъ пораженiи противника.

И вотъ голосъ Россiи обращается и къ врагамъ, и къ союзникамъ въ войнѣ, къ сторонникамъ и противникамъ въ дѣлѣ мира. Врагамъ она говоритъ:

— Вы слышите: мы предлагаемъ миръ безъ захватовъ, мы впередъ отказываемся отъ возможной добычи

Какъ будто въ рабствѣ была сила, какъ будто свобода принесла слабость!

Не ясно ли, что есть какой-то внутреннiй источникъ для слабости, какое-то глубокое разстройство въ нашемъ настроенiи и мысли,—грозящее гибелью нашей свободѣ, прежде всего свободѣ отъ внѣшняго порабощенiя.

Война—дѣло тяжелое, трудное и страшное. Въ каждой душѣ, въ русской, быть-можетъ, особенно,—она родитъ невольное содроганiе и ужасъ. Но, разъ сознавъ ея трагическую неизбѣжность, мы, русскiе люди, умѣли умирать и побѣждать защищая родину. Неужели не умѣемъ теперь, когда защищать приходится не царскую, свободную Россiю.

Защита родины въ войнѣ—требуетъ всенароднаго подвига. Подвигъ требуетъ единой мысли, единаго чувства, общаго порыва.

«На мiру смерть красна», говоритъ мѣткая русская пословица, рожденная навѣрное во время войны. Но въ этомъ великомъ и страшномъ дѣлѣ нужно чувствовать себя частицей единаго мiра, нужно сознавать, что онъ съ тобою. Ты замѣняешь павшаго, а на смѣну тебѣ идутъ другiе въ неудержимомъ порывѣ. Только тогда изъ рядовъ обыкновенныхъ людей выдвигаются герои, какъ Арнольдъ Винкельридъ, готовые умереть первыми за общее дѣло, а за ними идутъ другiе, закрѣпляющiе ихъ подвигъ.

Теперь у насъ нѣтъ этой цѣльности и этого порыва. Въ самую роковую минуту своего существованiя Россiя охвачена нерѣшительностью и безволiемъ.—«Къ призыву, казалось, несомнѣнному и непререкаемому,—говорила недавно одна изъ самыхъ лѣвыхъ газетъ,

— Кто это требуетъ отъ насъ отреченія въ случаѣ побѣды? Это вы, русскіе республиканцы вчерашняго дня. Это голосъ вашей революціи. Но не рано ли говорить о мирѣ безъ захватовъ, пока торжествуютъ захваты общаго врага? Его пушки гремятъ на вашей землѣ, какъ и на нашей. Что же сдѣлала ваша революція для того, чтобы вырвать изъ вражескихъ рукъ Сербію и Бельгію, чтобы защитить хотя бы собственную землю? А безъ этого, что такое вашъ призывъ во имя человѣчества? Митинговое постановленіе, красивое газетное воззваніе. На такія словесныя упражненія отвѣчаютъ тоже статьями. Ихъ не обсуждаютъ серьезно на совѣтахъ народовъ, гдѣ силу рѣчамъ придаетъ сила отечествъ.

А голоса единаго человѣчества пока не слышно. Его еще нѣтъ. Его сторонники еще не въ силахъ повліять на рѣшеніе своихъ отечествъ и прежде всего— Германію. Они только слѣдятъ съ безсильнымъ сочувствіемъ за тѣмъ, что сдѣлаетъ Россія для исполненія своей задачи. А это зависитъ отъ того, сумѣемъ ли мы сдѣлать Россію независимой, свободной и сильной прежде всего въ войнѣ, потомъ въ мирѣ. Пораженіе нашего отечества явится и ихъ пораженіемъ, пораженіемъ еще разъ прекрасной человѣческой мечты.

Путь къ миру долгъ и труденъ. Путь къ нашему миру еще труднѣе. Онъ пролегаетъ по крутой и стремнистой тропѣ между двумя безднами. На одной сторонѣ національное себялюбіе и захваты, грозящіе новой международной враждой. На другой—пораженіе нашего отечества, гибель свободы, безсиліе.

И вотъ всѣ сторонники нашего призыва слѣдятъ съ затаеннымъ дыханіемъ, дойдетъ ли Россія твердой

поступью до конца, или она оступится и свалится въ бездну, зіяющую у ея ногъ...

На глазахъ у всего міра Россія уже дрогнула... «Граждане! обращается къ намъ наше революціонное Временное Правительство.—Насталъ грозный часъ. Войска германскаго императора прорвали фронтъ русской революціонной арміи. И это страшное дѣло было для нихъ облегчено легкомысліемъ однихъ и предательствомъ другихъ».

И всѣ мы уже знаемъ, что это страшная правда. Послѣ революціи Россія не стала сильнѣе въ защитѣ родины. Она терпитъ пораженіе за пораженіемъ.

Отчего?

Я знаю, есть много людей, склонныхъ къ простымъ и легкимъ объясненіямъ: вредятъ защитѣ предатели, подкупленные нѣмецкимъ золотомъ.

Ахъ, если бы дѣло было только въ этомъ. Тогда и борьба была бы проще. Стоило бы прослѣдить, по какому руслу течетъ нѣмецкое золото—и наша слабость прекратилась бы. Но это не такъ, бѣда не въ однѣхъ нѣмецкихъ деньгахъ и, можетъ быть, въ нихъ менѣе всего. Главная причина болѣзни нашего государственнаго организма не въ одномъ коварствѣ враговъ, но и въ нашихъ собственныхъ всенародныхъ ошибкахъ. Скажемъ прямо: въ томъ, что заглядѣвшись въ сторону будущаго единаго человѣчества, мы забыли объ отечествѣ.

Мы не поняли урока собственной революціи. Почему, въ самомъ дѣлѣ, еще въ 1906 году нельзя было заикнуться о республикѣ, а московское возстаніе армія съ такой жестокостью потопила въ крови... И почему

— Кто это требуетъ отъ насъ отреченія въ случаѣ побѣды? Это вы, русскіе республиканцы вчерашняго дня. Это голосъ вашей революціи. Но не рано ли говорить о мирѣ безъ захватовъ, пока торжествуютъ захваты общаго врага? Его пушки гремятъ на вашей землѣ, какъ и на нашей. Что же сдѣлала ваша революція для того, чтобы вырвать изъ вражескихъ рукъ Сербію и Бельгію, чтобы защитить хотя бы собственную землю? А безъ этого, что такое вашъ призывъ во имя человѣчества? Митинговое постановленіе, красивое газетное воззваніе. На такія словесныя упражненія отвѣчаютъ тоже статьями. Ихъ не обсуждаютъ серьезно на совѣтахъ народовъ, гдѣ силу рѣчамъ придаетъ сила отечествъ.

А голоса единаго человѣчества пока не слышно. Его еще нѣтъ. Его сторонники еще не въ силахъ повліять на рѣшеніе своихъ отечествъ и прежде всего— Германію. Они только слѣдятъ съ безсильнымъ сочувствіемъ за тѣмъ, что сдѣлаетъ Россія для исполненія своей задачи. А это зависитъ отъ того, сумѣемъ ли мы сдѣлать Россію независимой, свободной и сильной прежде всего въ войнѣ, потомъ въ мирѣ. Пораженіе нашего отечества явится и ихъ пораженіемъ, пораженіемъ еще разъ прекрасной человѣческой мечты.

Путь къ миру дологъ и труденъ. Путь къ нашему миру еще труднѣе. Онъ пролегаетъ по крутой и стремнистой тропѣ между двумя безднами. На одной сторонѣ національное себялюбіе и захваты, грозящіе новой международной враждой. На другой—пораженіе нашего отечества, гибель свободы, безсиліе.

И вотъ всѣ сторонники нашего призыва слѣдятъ съ затаеннымъ дыханіемъ, дойдетъ ли Россія твердой

поступью до конца, или она оступится и свалится въ бездну, зіяющую у ея ногъ...

На глазахъ у всего міра Россія уже дрогнула... «Граждане! обращается къ намъ наше революціонное Временное Правительство.—Насталъ грозный часъ. Войска германскаго императора прорвали фронтъ русской революціонной арміи. И это страшное дѣло было для нихъ облегчено легкомысліемъ однихъ и предательствомъ другихъ».

И всѣ мы уже знаемъ, что это страшная правда. Послѣ революціи Россія не стала сильнѣе въ защитѣ родины. Она терпитъ пораженіе за пораженіемъ.

Отчего?

Я знаю, есть много людей, склонныхъ къ простымъ и легкимъ объясненіямъ: вредятъ защитѣ предатели, подкупленные нѣмецкимъ золотомъ.

Ахъ, если бы дѣло было только въ этомъ. Тогда и борьба была бы проще. Стоило бы прослѣдить, по какому руслу течетъ нѣмецкое золото—и наша слабость прекратилась бы. Но это не такъ, бѣда не въ однѣхъ нѣмецкихъ деньгахъ и, можетъ быть, въ нихъ менѣе всего. Главная причина болѣзни нашего государственнаго организма не въ одномъ коварствѣ враговъ, но и въ нашихъ собственныхъ всенародныхъ ошибкахъ. Скажемъ прямо: въ томъ, что заглядѣвшись въ сторону будущаго единаго человѣчества, мы забыли объ отечествѣ.

Мы не поняли урока собственной революціи. Почему, въ самомъ дѣлѣ, еще въ 1906 году нельзя было заикнуться о республикѣ, а московское возстаніе армія съ такой жестокостью потопила въ крови... И почему

27 февраля 1917 года тѣ же полки пришли съ красными знаменами привѣтствовать революцію.

Значитъ ли это, что съ тѣхъ поръ Россія успѣла изъ монархической превратиться въ республиканскую, что монархію побѣдила республика?

Незачѣмъ обольщаться. Въ десять лѣтъ не создаются въ народѣ ни республиканскія убѣжденія, ни республиканскіе нравы. Народъ такъ же мало знаетъ о республикѣ теперь, какъ и въ 1917 году. У насъ республика не потому, что мы стали республиканцами, а лишь потому, что сразу перестали быть монархистами.

Въ минуту страшной опасности для отечества Николай II не захотѣлъ и не сумѣлъ объединить народъ для борьбы и защиты. Этимъ онъ поднялъ противъ себя народное чувство, великое, какъ море, сильное, какъ буря... То самое чувство, о которомъ говорили поэты счастливцы Жуковскій и Лермонтовъ и несчастливецъ Якубовичъ, которое заставляетъ стараго казака, при видѣ огня надъ степью, безсознательно искать копье и коня, чтобы скакать на защиту.

Любовь къ отечеству въ опасности,—вотъ что объединило противъ царя весь русскій народъ и вотъ почему армія отъ генерала до новобранца безъ колебаній перешла на сторону революціи... Чувство отечества сдѣлало тогда Россію единой, сильной и непобѣдимой въ борьбѣ съ царской властью...

Вотъ въ чемъ великій и ясный урокъ нашей революціи; ея сила была въ единствѣ.

Что же дальше? Царь палъ, Россія осталась. Опасность для отечества такъ же велика, задачи его защиты перешли къ революціи. И мы видимъ: страна ослабѣла.

Какъ будто въ рабствѣ была сила, какъ будто свобода принесла слабость!

Не ясно ли, что есть какой-то внутренній источникъ для слабости, какое-то глубокое разстройство въ нашемъ настроеніи и мысли,—грозящее гибелью нашей свободѣ, прежде всего свободѣ отъ внѣшняго порабощенія.

Война—дѣло тяжелое, трудное и страшное. Въ каждой душѣ, въ русской, быть-можетъ, особенно,—она родитъ невольное содроганіе и ужасъ. Но, разъ сознавъ ея трагическую неизбѣжность, мы, русскіе люди, умѣли умирать и побѣждать защищая родину. Неужели не умѣемъ теперь, когда защищать приходится не царскую, свободную Россію.

Защита родины въ войнѣ—требуетъ всенароднаго подвига. Подвигъ требуетъ единой мысли, единаго чувства, общаго порыва.

«На міру смерть красна», говоритъ мѣткая русская пословица, рожденная навѣрное во время войны. Но въ этомъ великомъ и страшномъ дѣлѣ нужно чувствовать себя частицей единаго міра, нужно сознавать, что онъ съ тобою. Ты замѣняешь павшаго, а на смѣну тебѣ идутъ другіе въ неудержимомъ порывѣ. Только тогда изъ рядовъ обыкновенныхъ людей выдвигаются герои, какъ Арнольдъ Винкельридъ, готовые умереть первыми за общее дѣло, а за ними идутъ другіе, закрѣпляющіе ихъ подвигъ.

Теперь у насъ нѣтъ этой цѣльности и этого порыва. Въ самую роковую минуту своего существованія Россія охвачена нерѣшительностью и безволіемъ.—«Къ призыву, казалось, несомнѣнному и непререкаемому,— говорила недавно одна изъ самыхъ лѣвыхъ газетъ,

значительные слои нашей демократіи относятся одни стыдливо и несмѣло, другіе прямо враждебно»[1]).

Можно ли сдѣлать болѣе ужасное, болѣе грозное признаніе?

Стыдливо, несмѣло, прямо враждебно относимся мы къ призыву защиты родины въ минуту смертельной опасности.

Чувство отечества умалилось, оно почти умираетъ въ революціонной Россіи. Но чувство часто зависитъ отъ мысли, а въ нашу революціонную мысль закралась роковая ошибка, которая вноситъ нерѣшительность и колебаніе въ наши дѣйствія, ослабляетъ насъ, обезсиливаетъ, дѣлаетъ то, что по трудной тропѣ войны къ будущему миру Россія идетъ надъ двумя безднами нетвердой шатающейся походкой...

Ни одинъ народъ никогда еще не сказалъ такого рѣшительнаго слова въ пользу единаго человѣчества, какъ это теперь сказала Россія. Но и ни одинъ народъ еще не совершалъ такого грѣха противъ собственной родины!.. Если для насъ есть еще возможность спасенія, то оно въ глубокомъ сознаніи этой великой ошибки, этого преступленія неблагодарности.

Правда, тутъ мы опять расплачиваемся за грѣхи нашего долгаго рабства. Нашъ народъ слишкомъ долго былъ отдѣленъ отъ интеллигенціи, слишкомъ долго жилъ безъ общественной мысли. Въ свою очередь демократическая интеллигенція слишкомъ долго жила со своей уединенной мыслью, безъ ея примѣненія вмѣстѣ со своимъ народомъ. Теперь, когда стѣна насилія рухнула, революціонная интеллигенція волею судьбы поставлена во главѣ всенароднаго движенія. Со всѣми заслугами долгой борьбы, со всѣми недостатками

[1]) «Рабочая Газета».

уединенной мысли, она сразу стала мозгомъ своего народа, его мыслью, опредѣляющей волю.

И вотъ вмѣстѣ со многимъ нужнымъ и полезнымъ для новой жизни народа часть ея принесла съ собой также предразсудокъ противъ отечества...

Этотъ предразсудокъ состоитъ въ томъ, что между отечествомъ и человѣчествомъ есть непримиримое противорѣчіе, что можно служить человѣчеству помимо отечества, что для этого нужно даже отказаться отъ него...

И вотъ то, что вначалѣ придало нашей революціи такое единство, такую неодолимую силу,—зашаталось и исчезло. Центръ всенароднаго чувства—отечество перестало служить объединенію. Сказавъ важное слово въ пользу человѣчества, многіе изъ насъ рѣшили, что этимъ сдѣлано все, что слово уже стало плотью, что единое человѣчество уже стало дѣйствующей силой, и что оно освобождаетъ насъ отъ трудной работы для собственной родины и свободы. Мы вообразили, что слова достаточно и что намъ остается только войти въ храмъ будущаго человѣчества, гдѣ насъ ждетъ счастливое будущее безъ труда и усилій.

И народъ повѣрилъ благой вѣсти, тѣмъ болѣе, что она освобождала его отъ труднаго подвига и служеніе отечеству замѣняло служеніемъ непосредственнымъ классовымъ интересамъ.

Страшная роковая ошибка, та самая, въ которую такъ часто впадало прежнее патріотическое самохвальство. Мы вообразили, что стали уже во главѣ движенія всего передового человѣчества, однимъ тѣмъ, что отрѣшились отъ собственнаго отечества...

Но простымъ отрицаніемъ—ничто не создается... Мы видѣли, что до сихъ поръ отечества остаются еще вершиной человѣческихъ объединеній. Не отказываться отъ отечествъ, не разрушать эти ковчеги будущаго единства, а сдѣлать ихъ независимыми и сильными, справедливыми и свободными, готовыми къ новымъ объединеніямъ,—такова задача, ясно опредѣлившаяся на всѣхъ интернаціональныхъ съѣздахъ...

Но мы пошли обратнымъ путемъ, и въ концѣ этого пути гибель... Отрекаясь отъ достигнутыхъ уже человѣчествомъ великихъ объединеній, мы идемъ не впередъ, а назадъ, отъ единства къ распаду... На этомъ пути насъ ждетъ еще одно чудовище, обозначаемое еще однимъ иностраннымъ словомъ, съ которымъ Россіи тоже придется на свое несчастье познакомиться.

Это слово анархія.

Въ прямомъ смыслѣ это—безвластіе. Это потеря страной того руководящаго центра объединяющей всенародной воли, который придаетъ стройность и живое единство всѣмъ отдѣльнымъ стремленіямъ. Стоитъ ему исчезнуть окончательно, стоитъ утвердиться гибельной мысли, что родина не нужна, что она не дѣло всего народа, а только дѣло какихъ-нибудь классовъ, жизнь всей страны повернетъ назадъ. Вмѣсто трудной и великой работы творчества новой жизни начнется простой распадъ. Сначала—на области, потомъ на сословія и классы по отдѣльнымъ, ничѣмъ несогласуемымъ интересамъ. За этимъ слѣдуетъ междоусобіе, а за нимъ разнузданность худшихъ инстинктовъ, открытый взаимный грабежъ и разбой.

Въ концѣ этого страшнаго разложенія, этой болѣзни, можетъ быть, умиранія живого отечественнаго организма—возвращеніе къ сѣдому, мрачному прошлому.. *Анархія*—это война всѣхъ противъ всѣхъ въ средѣ самаго отечества...

———

Я не знаю, удалось ли мнѣ выполнить задачу, которую я поставилъ себѣ въ началѣ этихъ очерковъ,—говорить о важнѣйшихъ вопросахъ нашего времени общепонятно сразу для образованныхъ и малопросвѣщенныхъ людей. Но если я успѣлъ хоть отчасти выяснить главную мысль этихъ очерковъ, если они способны зародить сомнѣніе въ правильности слишкомъ простыхъ и слишкомъ узкихъ мыслей, если они обратятъ нѣкоторые умы къ сознанію важности отечества, пробудятъ въ нѣкоторыхъ сердцахъ старое, святое, законное чувство отвѣчной любви къ родинѣ, то я буду считать, что я не даромъ думалъ такъ долго и упорно надъ этими мучительными вопросами нашего страшнаго времени.

Августъ 1917 г.

———

Цѣна 60 коп.